

АНАЛИЗ ЭМИГРАЦИОННЫХ ПЛАНОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА СТАРШЕКЛАССНИКОВ МОСКВЫ И РИГИ)

— А как же Рио-де-Жанейро? Я тоже хочу в белых штанах.

— Рио-де-Жанейро — это хрустальная мечта моего детства,— строго ответил великий комбинатор,— не касайтесь ее своими лапами.

И. Ильф и Е. Петров. 12 стульев

Настоящая статья основана на материалах социологического опроса учащихся старших классов, который был проведен в конце 2010 г. Институтом социологии образования РАО и Рижской академией педагогики и управления образованием. В Москве были опрошены 993 школьника, в Риге — 1939 респондентов (из них 975 обучаются в общеобразовательных школах Латвии и 964 — в школах национальных меньшинств; в статье эти подвыборки будут обозначены как «латыши» и «русские»). В обоих опросах участвовали школьники, заканчивающие основную и старшую школу. Это соответственно учащиеся 9-х классов в Москве и Риге и учащиеся 11-х классов в Москве и 12-х классов в Риге.

Обучение в старшей школе является важным этапом в социальном развитии и личностном становлении подростка. В этот период формируются новые интересы и на первый план выходит проблематика жизненного и профессионального самоопределения. Подросток начинает интересоваться своим будущим, строить планы и оценивать жизненные перспективы. На этапе окончания школы старшеклассники стоят перед выбором: продолжать образование или же устраиваться на работу? При этом они должны решить целый ряд вопросов: какой уровень профессионального образования (начальный, средний или высший) они хотят получить; как выбрать соответствующую специальность; как соотносить свой выбор с социальными и экономическими перспективами и т.д. Вопросы о продолжении образования и устройстве на работу являются ключевыми на данном этапе. При их рассмотрении учитывается множество факторов — от успеваемости в школе и соответствующих способ-

ностей до уровня обеспеченности семьи и наличия социальных связей. Подчеркнем, что здесь возникает широкий круг проблем, связанных с конфликтом между имеющимися ресурсами (социальными, культурными, экономическими) и жизненными притязаниями старшеклассника, его амбициями. В данном возрасте у многих подростков появляется отнюдь не риторический вопрос: «Могу ли я себе это позволить?». И здесь возникает традиционный для социологии сюжет, связанный с восходящей и нисходящей социальной мобильностью. Кто-то строит свою жизненную стратегию как мобилизацию собственных ресурсов и ресурсов семьи для перехода на более высокий социальный уровень, а кто-то, напротив, отказывается от повышенных притязаний, выбирая упрощенные жизненные стратегии. Таким образом, своеобразие построения жизненных перспектив традиционно обсуждается в логике восходящей и нисходящей мобильности и связано с ресурсами семьи, реальными школьными успехами, личностными притязаниями подростка и реальными условиями, сложившимися как на рынке труда, так и в сфере образования. В этом контексте особый интерес представляют эмиграционные планы и намерения.

Заметим, что эмиграция конца 80-х — начала 90-х сильно отличалась от сегодняшней. Тогда это были в основном родители, желавшие лучшего будущего для себя и своих детей, однако не всегда их планы соответствовали желаниям самих подростков. Сегодня благодаря изменению уровня жизни и появлению реальных возможностей для эмиграции, (доступной информации об образовательных услугах и потребностях на рынке труда за рубежом) мысли об эмиграции становятся у подростков важной составляющей при построении собственных жизненных планов. При этом следует выделить три типа эмиграционных планов: образовательные, трудовые и планы, связанные с переездом на постоянное место жительства (ПМЖ). Понятно, что они обусловлены различными

мотивами и жизненными целями, которые необходимо иметь в виду при анализе вопросов, касающихся эмиграции.

При обсуждении эмиграционных планов особый интерес представляет анализ влияния различных социальных и экономических факторов. При этом центральный вопрос обычно касается выявления тех социальных групп, где наиболее сильны эмиграционные настроения. Стремятся ли покинуть страну представители социально сильных групп или же, наоборот, выезд из страны планируют слабые, ориентируясь на возможности вертикальной мобильности за рубежом? Склонны ли к эмиграции представители определенных национальных меньшинств? Играют ли значимую роль в построении эмиграционных планов, помимо экономических и социальных, собственно психологические факторы, например общий социально-психологический климат в стране?

Для получения ответов на эти вопросы крайне важно проведение кросскультурных сопоставлений. Именно поэтому в нашем исследовании мы будем сравнивать ответы московских и рижских старшеклассников. Подчеркнем, что сегодняшние старшеклассники — это те, кто родился после распада СССР. И в этом отношении сравнение их жизненных ориентаций представляет особый интерес: сохраняется ли культурная общность в новом поколении молодежи, живущем на пространстве бывшего СССР? При этом особенно важно мнение русских школьников, живущих в Риге, не только как

представителей национального меньшинства, но и как группы, ориентированной на экономические и социокультурные реалии России. В настоящей статье мы затронем лишь некоторые из обозначенных выше вопросов. Основное внимание при этом мы уделим социально-демографическим факторам и мотивам (явным и скрытым), влияющим на эмиграционные планы старшеклассников.

ЭМИГРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ МОСКОВСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ: УЧЕБА, РАБОТА, ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА

Рассмотрим, насколько распространены среди учащихся 9-х и 11-х классов эмиграционные планы. На рисунке 1 представлено распределение ответов московских старшеклассников на три вопроса: «где Вы хотели бы работать после окончания обучения?»; «хотели бы Вы продолжать образование за рубежом?»; «хотели бы Вы покинуть Россию и уехать за границу на постоянное место жительства?».

Распределение ответов московских старшеклассников показывает, что суммарно в одну из стран Европы, в США или другую страну с целью трудоустройства планируют уехать 41,8% школьников; для продолжения образования — 46,3%, на постоянное место жительства — 40,2%. Таким образом, исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что весьма значительная часть школьников связывает реализацию своих профессиональных, образовательных и жизненных планов с эмиграцией. При этом прак-

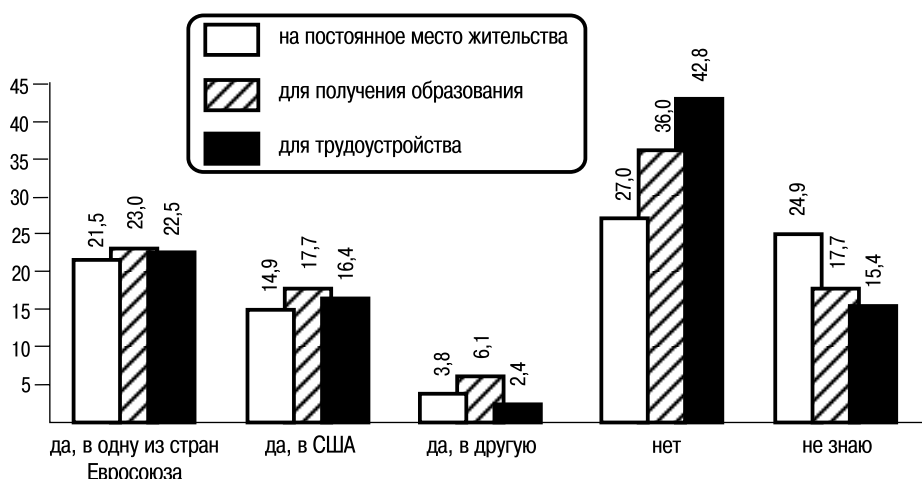

Рисунок 1

Распределение ответов московских школьников на вопросы об их эмиграционных планах (%)

тически каждый пятый хотел бы работать, получить образование либо уехать на ПМЖ в страны Евросоюза, а каждый седьмой — в США. Добавим, что представленная структура ответов не меняется от 9-го к 11-му классу. Это означает, что эмиграционные ориентации формируются уже на этапе окончания основной школы (9-й класс). Подчеркнем, что полученные результаты отражают лишь *намерения* старшеклассников, а не реальное *эмиграционное поведение*.

Рассмотрим более подробно влияние социально-стратификационных факторов на эмиграционные планы старшеклассников относительно трудоустройства, получения образования и переезда на постоянное место жительства.

На распределение ответов о *трудоустройстве* после получения образования существенное влияние оказывает уровень образования родителей и материальное положение семьи. Так, ученики из семей, где оба родителя имеют среднее образование, чаще планируют работать в России, чем те старшеклассники, родители которых имеют высшее образование (52,3% и 36,1% соответственно, $p=.002$). Сравнение ответов учащихся показывает, что дети из семей со средним уровнем дохода чаще планируют работать в России, нежели дети из семей с высоким уровнем дохода (42,7% и 36,1% соответственно, $p=.03$). Таким образом, мы видим, что планы, связанные с трудоустройством в России, более распространены среди подростков из слабых социальных страт. Среди же учащихся из сильных социальных групп более выражена ориентация на работу за рубежом.

Те же тенденции проявляются и в распределении ответов относительно *продолжения образования* за рубежом. Как и в ситуации с трудоустройством, здесь также важны уровень образования родителей и достаток семьи. Те подростки, у которых оба родителя имеют среднее образование, чаще планируют продолжать свое обучение в России, чем те, родители которых получили высшее образование (24,4% и 16,6% соответственно, $p=.04$). Учащиеся из семей со средним достатком также чаще, чем школьники из высокообеспеченных семей, планируют продолжать образование в России (19,4% и 13,7% соответственно, $p=.02$). Таким образом, дети из слабых социальных страт более ориентированы на получение образования в России.

Помимо образовательных и профессиональных планов, особый интерес представляют ответы старшеклассников на вопрос,

касающийся желания уехать в другую страну на *постоянное место жительства*. Причем и здесь уровень образования родителей и доход семьи также играют важную роль. Дети из семей, в которых оба родителя имеют среднее образование, чаще, чем ученики из семей, в которых оба родителя имеют высшее образование, хотят остаться жить в России (40,7% и 25,1% соответственно, $p=.001$). Значимое влияние на распределение ответов оказывает и уровень доходов семьи. Однако здесь тенденции неоднозначны. Так, по сравнению с подростками из семей со средним уровнем достатка на переезд на постоянное место жительства за рубеж ориентированы как старшеклассники из высокообеспеченных семей (22,0%, $p=.002$), так и те, кто относит себя к среднеобеспеченным и малообеспеченным семьям (31,8% и 12,8% соответственно, $p=.006$). На наш взгляд, этот результат важен, поскольку из него следует, что не только школьники из высокообеспеченного слоя, но и дети из низкообеспеченных семей менее ориентированы на жизнь в России. По-видимому, старшеклассники из малообеспеченных семей не видят для себя «социальных лифтов» в России, что побуждает их искать себе место в других странах.

Понятно, что, помимо социально-стратификационных факторов, на эмиграционные планы оказывает влияние и широкий спектр других причин. Значительную роль здесь играет национальная и религиозная принадлежность. Например, по нашим данным, одним из факторов, влияющих на распределение ответов учащихся о своих эмиграционных планах, является их вероисповедание. Так, среди тех, кто планирует остаться жить в России, гораздо больший процент православных учеников, чем среди тех, кто планирует уехать в Евросоюз или в США (70,4%, 54,9%, 53,5% соответственно, $p=.0003$ и $p=.0004$). Таким образом, православные учащиеся чаще стремятся остаться жить в стране, являющейся центром православной религии, поскольку социокультурные реалии России для них более понятны, привычны и ценностно значимы.

И наконец, при оценке эмиграционных планов следует обратить внимание на моменты, которые условно можно обозначить как *личностные ресурсы старшеклассника*. Не затрагивая вопросы, касающиеся способностей или учебной успешности, возьмем в качестве примера такой параметр, как знание иностранного языка. В ходе опроса респондентам предлагалось оценить свой

Таблица 1

Распределение ответов московских старшекласников об их эмиграционных планах в зависимости от уровня владения английским языком (%)

	Отличный уровень владения английским языком	Неудовлетворительный уровень владения английским языком	Уровень значимости
Да, в одну из стран Евросоюза	37,5	19,8	$p=.007$
Да, в США	18,8	6,6	$p=.01$
Нет	26,6	40,7	$p=.03$
Не знаю	12,5	29,7	$p=.006$

уровень владения английским языком как «отличный», «хороший», «удовлетворительный» или «неудовлетворительный». Полученные результаты показывают, что данный фактор оказывает заметное влияние на распределение ответов учащихся по поводу отъезда на ПМЖ (см. таблицу 1).

Как мы видим, владение английским языком является важным ресурсом при построении планов на эмиграцию. «Отличный» уровень владения английским языком позволяет определиться со своими возможностями и обрести уверенность в способности адаптироваться к жизни в Евросоюзе или США.

«РУССКИЕ» ПОДРОСТКИ В ЛАТВИИ: ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ЭМИГРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ

Заметим, что для оценки значимости влияния социокультурных факторов особый интерес представляет группа русских учащихся из школ национальных меньшинств Латвии («русских»), планирующих переехать на постоянное место жительства в Россию. Иными словами, попытаемся взглянуть на проблему с другой стороны: когда мы оцениваем не отъезд из России, а, наоборот, возвращение. Для этого важно сравнить эту группу «русских» школьников из Риги с теми «русскими» школьниками, которые планируют уехать в Евросоюз и США либо остаться жить в Латвии.

Полученные результаты показывают, что такие традиционные социально-стратификационные факторы, как уровень доходов семьи и уровень образования родителей, в данном случае не оказывают значимого влияния. Роль же культурных аспектов достаточно существенна. Например, проявилось явное влияние уровня владения

латышским языком. Если среди «русских» школьников, планирующих уехать в Россию, оценивают свое знание латышского языка как «отличное» лишь 10,9%, то среди тех «русских» кто желает остаться в Латвии, доля отлично владеющих латышским языком почти в 2,5 раза выше — 23,7% ($p=.002$). Добавим, что среди школьников, желающих эмигрировать в Россию, 16,4% оценивают уровень своего владения латышским языком как «неудовлетворительный», а среди тех, кто желает остаться в Латвии, таких лишь 4,3% ($p=.0001$). Таким образом, приведённые данные позволяют сделать вывод о том, что языковая (шире — культурная) адаптация является мощнейшим фактором, оказывающим влияние на построение эмиграционных планов представителей национальных меньшинств.

Заметим, что владение языком важно рассматривать не только как фактор культурной адаптации, но и как важный ресурс, определяющий характер построения эмиграционных планов. Это явно проявляется при анализе уровня владения английским языком. Например, среди группы «русских» школьников Риги, планирующих эмигрировать в Россию, лишь 13,0% оценивают свой уровень владения английским языком как «отличный»; среди тех, кто ориентирован на эмиграцию в страны Евросоюза, таких 23,6%; среди собирающихся эмигрировать в США — 25,7% ($p=.001$ и $p=.001$ соответственно). По сути дела, здесь проявились те же тенденции, что и среди московских старшекласников (см. таблицу 1).

И наконец, важным фактором, определяющим эмиграционные планы подростка, являются его ценностные ориентации. Например, среди подростков, планирующих эмигрировать в Россию, две трети (67,7%) считают себя православными. Для сравне-

ния: среди «русских» старшеклассников Риги, желающих эмигрировать в Евросоюз, считающих себя православными заметно меньше — 56,8% ($p=0.007$).

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЭМИГРАЦИОННЫХ ПЛАНОВ МОСКВИЧЕЙ И РИЖАН

В таблице 2 приведены данные об эмиграционных планах на ПМЖ участников трёх подвыборок: старшеклассников Москвы («москвичей»), учащихся общеобразовательных школ Риги («латышей») и учащихся школ национальных меньшинств («русских»).

Как видно из таблицы 2, ответы московских старшеклассников практически совпадают с ответами «латышей»: 27,0% и 24,9% соответственно не собираются уезжать на постоянное место жительства в другую страну; столько же среди них и не определившихся со своими эмиграционными планами — 24,9% и 20,4% старшеклассников соответственно. Принципиально иначе строят эмиграционные планы «русские» школьники в Риге. Среди них лишь 8,6% однозначно ответили, что планируют остаться в Латвии. При этом, и это на наш взгляд крайне важно, каждый пятый (18,5%) планирует уехать жить в Россию. В то же время каждый третий (31,6%) ориентирован на дальнейшую жизнь в странах Евросоюза. Таким образом, мы видим, что у представителей национального меньшинства в Риге («русские») гораздо больше выражены эмиграционные настроения. В целом это позволяет сделать вывод о том, что в определённом социокультурном контексте национальный статус (принадлежность к национальному большинству или меньшинству) может играть значимую роль при формировании эмиграционных планов.

ЭМИГРАЦИОННЫЕ МОТИВЫ: ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ

Ниже представлен график с распределением ответов старшеклассников Москвы и Риги на вопрос о причинах, по которым они хотели бы уехать за границу на постоянное место жительства.

Представленные на рисунке 2 данные показывают, что основными мотивами эмиграции у старшеклассников являются профессиональная самореализация и достижение материального благополучия. Так, 42,4% московских школьников, 48,9% «русских» школьников, живущих в Риге, и 39,9% «латышских» учащихся не видят перспектив для своего профессионального роста на родине. Считают, что страна, в которой они живут, не дает возможности достичь личного материального благополучия 36,0% московских, 34,3% «русских» и 34,9% «латышских» школьников. Также важным мотивом эмиграционных планов является отсутствие перспектив для развития этнической культуры — этот вариант ответа выбирает каждый десятый школьник (10,7%), желающий уехать из России. Помимо этого, 10,9% московских школьников аргументируют свои эмиграционные планы наличием родственников за границей. Именно эти варианты ответов несколько отличают москвичей от рижан.

Кроме явных (осознаваемых) мотивов, которыми обосновывается желание эмигрировать, интерес представляют и другие (неявные) факторы, влияющие на эмиграционные планы старшеклассников. К ним можно отнести общий социально-психологический климат, который определяет эмоциональное самочувствие, уверенность/неуверенность в завтрашнем дне. В этой связи в ходе опроса мы просили старшеклассников ответить на вопрос: «Что более всего Вас беспокоит в Вашем будущем?». Опрошенные могли выбрать

Таблица 2

Распределение ответов старшеклассников Москвы и Риги на вопрос о том, хотели бы они уехать в другую страну на ПМЖ (%)

	В страны ближнего зарубежья (для москвичей) / Россию (для рижан)	В США	В Евросоюз	Нет	Не знаю
Москвичи	2,8	14,9	21,5	27,0	24,9
Русские в Риге	18,5	13,6	31,6	8,6	16,7
Латыши в Риге	2,1	20,7	22,0	24,9	20,4

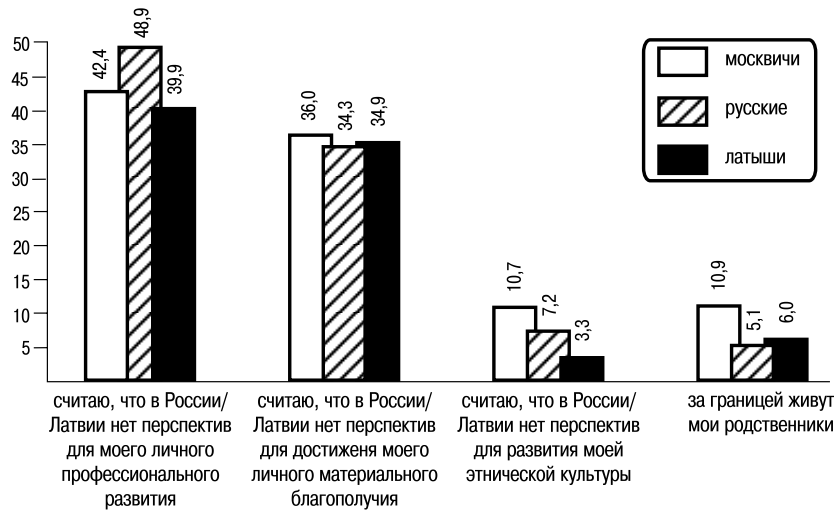

Рисунок 2

Распределение ответов старшеклассников Москвы и Риги о причинах эмиграционных планов (%)

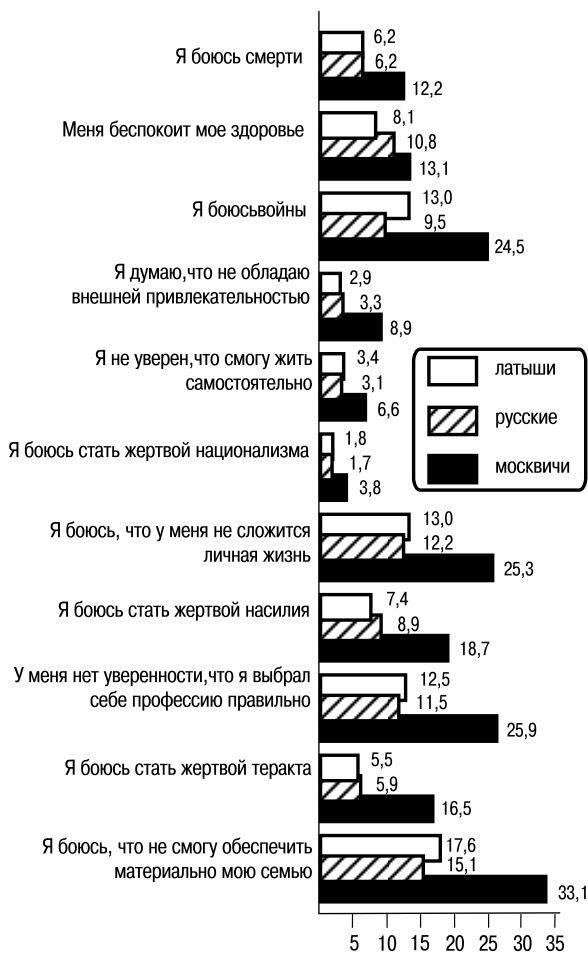

Рисунок 3

Распределение ответов старшеклассников Москвы и Риги об их личных страхах (%)

от 3-х до 5-ти вариантов ответа. Распределение ответов на данный вопрос приведено на рисунке 3.

Приведенные на рисунке данные показывают, что у московских старшеклассников можно выделить шесть ведущих страхов. Три из них связаны с опасениями, касающимися профессиональной (25,9%), личной (25,4%) и материальной (33,1%) самореализации. Другие три основных страха касаются возможных проявлений социальной агрессии: боязнь стать жертвой насилия (18,7%), боязнь стать жертвой теракта (16,5%) и боязнь войны (24,5%). В целом представленные данные показывают, что московские школьники гораздо более фрустрированы по сравнению со своими сверстниками из Риги. В этой связи можно сделать вывод о том, что общий негативный социально-психологический климат характеризует своеобразие формирования эмиграционных планов у московских старшеклассников. Эти планы обусловлены как «стремлением к достижению», так и «избеганием угроз». Например, явно выраженный мотив достижения личного материального благополучия корректируется страхом перед неспособностью материально обеспечить свою семью.

Таким образом, несмотря на отмеченное выше процентное сходство в ответах школьников Москвы и Риги по поводу их эмиграционных планов, мы в то же время фиксируем и принципиально разные эмо-

циональные переживания, связанные с личными угрозами. Поскольку эмоциональные доминанты, касающиеся сложившихся личных угроз, явно отличаются, вполне правомерен и вывод о различии личностных смыслов, обуславливающих формирование эмиграционных планов у москвичей и рижан.

В целом приведённые в статье данные показывают, что и в Москве, и в Риге процент старшеклассников, планирующих покинуть родную страну либо на определённый период (в связи с получением образованием или работой), либо навсегда, крайне высок. Но подчеркнем, что в данном случае мы имеем дело именно с планами, намерениями, а не с их реализацией. Как говорил Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей, «это хрустальная мечта моего детства». Заметим, что подобные планы присущи подростковому возрасту вообще и связаны с расширением границ своего социального Я. И всё же сегодня подобные планы для значительного числа старшеклассников не являются лишь абстрактными фантазиями, а соотносятся с реальными социальными

и личными ресурсами и теми переживаниями, которые влияют на жизненное самоопределение подростка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Л. Пустая страна // Новая газета.— 2011.— 10 июля.
2. Мурсалиева Г.Ш. Мамы и папы толкали детей на Манеж // Новая газета.— 2011.— 14 января.
3. Мурсалиева Г.Ш. Дети бегут от войны // Новая газета.— 2011.— 31 июля.
4. Собкин В.С., Ваганова М.В. Российский подросток: жизненные перспективы и страхи // Социокультурные трансформации подростковой субкультуры. Труды по социологии образования. Т. XI. Вып. 20.— М.: Центр социологии образования РАО, 2006.— С. 7–18.
5. Собкин В.С., Николашина Е.В. Отношение российских подростков к мигрантам: культурная дистанция, временные сдвиги, национальная самоидентификация // Социокультурные трансформации подростковой субкультуры. Труды по социологии образования. Т. XI. Вып. 20.— М.: Центр социологии образования РАО, 2006.— С. 19–31.